

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

© 2012 г. М. Н. Юртаева*, Н. С. Глуханюк**

*Кандидат психологических наук, Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

**Доктор психологических наук, профессор, там же

Представлены результаты исследования психологических характеристик толерантности к неопределенности. Использован аналитико-интегративный подход, применяемый в эмпирической психологии для определения признаков психического явления. Установлены когнитивно-стилевые и личностные характеристики толерантности к неопределенности. Обнаружено, что проявления толерантности к неопределенности сопряжены с процессами переработки информации, где механизм произвольного интеллектуального контроля является психическим ресурсом преодоления неопределенности.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, аналитико-интегративный подход, феномен расщепления полюсов когнитивных стилей, произвольный интеллектуальный контроль.

Становление и развитие проблемы неопределенности в плоскости психологического познания определяется рядом теоретических и эмпирических предпосылок. *Во-первых*, рефлексией и развитием категориального аппарата современной психологии, введением принципа неопределенности и рассмотрением его в качестве мировоззренческой установки, определяющей становление новых схем объяснений психических явлений [2, 7, 12]. *Во-вторых*, решением общих для психологии задач изучения идентичности личности, ее социально-психологических установок (аттитюдов) [3, 16, 28, 41], копинг-поведения [4, 21, 32, 46], интеллекта и креативности [13, 36, 39, 44], личностного выбора как в варианте наиболее разработанной области – принятия решений [8, 9], так и в русле экзистенциально-гуманистической традиции [17, 19, 38]. *В-третьих*, потребностью в научном обосновании и практическом освоении проблем межкультурной коммуникации, менеджмента и инноваций, достижений в сфере обучения и профессиональной карьеры [27, 34, 45].

Таким образом, изучение поведения человека в ситуации неопределенности – это актуальная научно-практическая задача.

Концепт толерантности к неопределенности является относительно новым для отечественной психологии. Интерес к данному понятию и собственно психологическому конструкту обусловлен закреплением за ним функции репрезентации воз-

можностей психики, поведения и деятельности человека в ситуации неопределенности. Следует отметить, что в терминологический аппарат психологии ранее было введено понятие толерантности, формирование которого проходило в контексте междисциплинарных заимствований [15].

Вопрос относительно психологической сути феномена толерантности продолжает оставаться дискуссионным, что связано, на наш взгляд, с отсутствием системы логических и методологически обоснованных операциональных индикаторов толерантности в разных сферах и формах ее проявления.

Поэтому тем более сложным является прояснение содержания и генезиса понятия “толерантность к неопределенности”, которое эксплицируется в ряде источников [25]. Среди них концепция авторитарной индивидуальности, психология восприятия и модели принятия решений [29, 31].

Концепция авторитарной индивидуальности. Э. Френкель-Брунстик ввела понятие интолерантности к неопределенности. Согласно автору, интолерантность к неопределенности – это «тенденция человека приходить к решениям по типу “черное–белое”, принимать поспешные решения, зачастую не учитывая реального положения дел, и стремиться к очевидному и безусловному принятию или отторжению в отношениях с другими людьми» [31, с. 115].

Обращение к конструкции когнитивного стиля явилось наиболее поздним и предпочтительным направлением в исследовании авторитарной личности, где интолерантность к неопределенности рассматривается как характеристика когнитивного стиля личности авторитарного (ригидного) склада [30].

Содержательно и методически разработки Френкель-Брунстик долгое время влияли на состояние исследований в данной научной области и вдохновляли других ученых на создание качественно иных, но близких в своей содержательной интерпретации конструкций [43]. В большинстве случаев это рекомбинации поведенческих диспозиций (избегание риска, предпочтение порядка и структуры, потребность в предсказуемости, консервативность, решительность), предметное содержание которых было представлено в фокусе обозначенной проблемы на разных этапах ее изучения [26].

В практике эмпирических исследований происходило смешение конструктов (в терминах измеряемых характеристик поведения) когнитивного стиля и личностной черты, вследствие чего определение четкой взаимосвязи между психологическим конструктом и эмпирическими индикаторами было затруднительно и не позволяло сопоставлять результаты исследований и верифицировать гипотезы.

Концепция черт. Изучение толерантности к неопределенности в русле концепции черт поддерживается работами С. Баднера, Э. МакДоналда, Р. Нортон, Р. Халлмана, Д. МакЛейна. Одним из первых исследователей толерантности к неопределенности в данном направлении стал С. Баднер (1960). Автор с позиций психологии восприятия сформулировал идею воспринятой угрозы, которая легла в основу идентификации тенденций в отношении неопределенных стимулов. Толерантность к неопределенности – это тенденция воспринимать неопределенные ситуации как желательные. В свою очередь, интолерантность к неопределенности – восприятие неопределенных ситуаций как источника угрозы [29]. Такое понимание толерантности к неопределенности определили последующие трактовки феномена в работах других исследователей.

Исследования толерантности к неопределенности, выполненные в традициях концепции черт, представлены широким набором взаимосвязей данного феномена в структуре личностных свойств (как базовых, так и специфически контекстуальных). Большое количество разноплановых эмпирических фактов, накопленных с момен-

та существования исследовательского интереса к данному феномену, отражает ситуацию его “вездесущности”. Нами обнаружены противоречия в понимании феномена, которые могут быть представлены в виде дихотомий одномерного–многомерного, генерализованного–специфического, статичного–процессуального.

Неоднозначность онтологического статуса феномена толерантности к неопределенности, с одной стороны, свидетельствует о сложной природе данного психологического явления. С другой стороны, она ставит вопрос обоснования выбора тех характеристик толерантности к неопределенности, которые отражали бы его сущностные признаки.

Модели принятия решений смещают фокус проблемы неопределенности из области индивидуальности в сферу взаимодействия личности и ситуации. Изучение толерантности к неопределенности определяется контекстом принятия решений.

Поведенческими коррелятами толерантности к неопределенности, опосредующими регуляцию выборов в условиях неопределенности и риска, выступают личностно-мотивационные характеристики – принятие риска и рациональность. Наиболее последовательная разработка данных конструктов осуществлена в концепции функционально-уровневой регуляции интеллектуальных решений [10].

Эвристический потенциал данной концепции определяется использованием методологии субъектного подхода, что позволяет рассматривать процессы принятия решений как проявление активности личности, совершающей свой выбор в условиях неопределенности и риска [там же].

Центральные процессы регуляции выбора субъекта определяются реализацией интеллектуально-личностного усилия (как проявления толерантности к неопределенности. – *Авт.*), актуалгенез которого сопряжен с влиянием разноуровневых индивидуально-психологических свойств, где самосознание субъекта имеет ведущее значение [9, 10]. С данных позиций рассматривается свойство рискованности (готовность к риску) как готовность субъекта к рискованным действиям, “субъективная цена” которых определяется иерархией личных ценностей и смыслов [10].

Таким образом, толерантность к неопределенности является не столько свойством выбора, сколько выражением позиции самоопределяющейся личности (в единстве ее личностного и

интеллектуального потенциала), реализующей свой выбор в условиях неопределенности и риска.

Идея настоящего исследования состоит в изучении феномена толерантности к неопределенности путем установления его психологических признаков на основе использования логики аналитико-интегративного подхода [5, 6].

Структурным основанием выбора психологических характеристик толерантности явилась концептуальная схема С. Бохнер, содержание которой представлено рассмотрением первичных (свойства когнитивного стиля) и вторичных (свойства личности) характеристик феномена [25].

Состав когнитивно-стилевых характеристик толерантности определялся возможностью широкой экстраполяции полученных результатов применительно к когнитивной сфере личности. Выявлено, что такие когнитивные стили, как полезависимость/полenezависимость, импульсивность/рефлексивность, ригидный/гибкий познавательный контроль, с одной стороны, проявляются на большинстве традиционно выделяемых когнитивных уровней (в восприятии, внимании, научении, памяти, мышлении) (см. [там же]). С другой, содержание данных психологических конструктов отвечает основным информационным параметрам неопределенных ситуаций.

Формирование состава личностных характеристик толерантности к неопределенности производилось с учетом тех признаков феномена, которые отражены в содержании его определений. Как отмечают исследователи, поведенческие реакции на неопределенность весьма разнообразны: от отторжения до привлекательности [37]. Можно допустить, что критерием, определяющим характер поведенческой направленности личности в ситуации неопределенности, является паттерн когнитивно-аффективных свойств, которые обуславливают классификацию ситуации как угрожающей либо связанной с позитивными возможностями [26].

В то же время область исследования определялась теми реакциями на неопределенность, которые формируются на уровне восприятия и чувств [29]. Данный факт согласуется с психодиагностической парадигмой в изучении толерантности к неопределенности [16, 26].

Итак, в составе феномена толерантности к неопределенности были выделены *когнитивно-стилевые характеристики*: полезависимость/полenezависимость, импульсивность/рефлексивность, ригидный/гибкий познавательный контроль; и *личностные характеристики*: базисные убеждения личности, личностная и ситуативная тревожность, готовность к риску.

Цель исследования состояла в установлении когнитивно-стилевых и личностных характеристик толерантности к неопределенности.

Задачи исследования:

1. Выявить, существуют ли соотношения между когнитивно-стилевыми и личностными характеристиками толерантности к неопределенности с учетом предположения о линейности измеряемых характеристик.

2. Сопоставить основные и дополнительные показатели когнитивных стилей с психометрическими показателями толерантности к неопределенности и их коррелятами (с учетом феномена “расщепления” полюсов когнитивных стилей).

Были выдвинуты следующие *эмпирические гипотезы*:

1. Когнитивно-стилевые и личностные характеристики толерантности к неопределенности взаимосвязаны.

2. Специфика взаимосвязей между когнитивно-стилевыми и личностными характеристиками толерантности к неопределенности опосредуется свойствами когнитивного стиля двояко: проявление действия механизма непроизвольного интеллектуального контроля над переработкой информации положительно сопряжено с толерантностью к неопределенности; эффекты крайних значений когнитивного стиля положительно сопряжены с интолерантностью к неопределенности.

МЕТОДИКА

Участники исследования. В исследовании приняли участие 80 студентов в возрасте 17–22 лет (64 девушки и 16 юношей), г. Екатеринбург.

Дизайн исследования. Использовались корреляционный и *ex post facto* дизайны. Применялись корреляционный, дискриминантный и кластерный анализы. Сравнение выборок осуществлялось по *U*-критерию Манна–Уитни.

Методики исследования. Измерение когнитивно-стилевых характеристик толерантности к неопределенности осуществлялось тестом “Включенные фигуры” Г. Виткина (когнитивный стиль “полезависимость/полenezависимость”), тестом “Сравнение схожих рисунков” Дж. Кагана (когнитивный стиль “импульсивность/рефлексивность”), тестом “Словесно-цветовой интерференции” Дж. Струппа (когнитивный стиль “ригидный/гибкий познавательный контроль”) [24].

Измерение личностных характеристик толерантности к неопределенности производилось при помощи шкалы тревожности Спилбергера-Ханина, методики базисных убеждений Р. Янофф-Бульман в модификации М.А. Падун, А.В. Котельниковой, опросника “Личностные факторы принятия решения” (ЛФР-25) Т.В. Корниловой [10, 20].

Для измерения толерантности к неопределенности использовались однофакторные опросники толерантности к неопределенности С. Баднера в адаптации Г.У. Солдатовой и Д. МакЛейна в адаптации Е.Г. Луковицкой. Также применялась шкала “Толерантность” Калифорнийского психологического опросника (CPI) [16, 18, 21, 22].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ взаимосвязей показателей когнитивных стилей и личностных свойств с показателями различных методик толерантности к неопределенности позволил определить, что данные опросники предназначены для измерения общего для них конструкта, но оценивают различные аспекты его проявлений.

Показатель шкалы толерантности к неопределенности С. Баднера коррелировал с показателем готовности к риску ($r = .27, p \leq .05$), величиной интерференции ($r = -.27, p \leq .05$) и количеством ошибок ($r = -.26, p \leq .05$). Показатель шкалы толерантности к неопределенности Д. МакЛейна был положительно сопряжен с показателями готовности к риску ($r = .54, p \leq .01$), “Справедливость” ($r = .33, p \leq .01$), “Удача” ($r = .22, p \leq .05$), “Убеждение о контроле” ($r = .28, p \leq .05$). Отрицательно – с показателями реактивной ($r = -.47, p \leq .01$) и личностной ($r = -.56, p \leq .01$) тревожности.

Показатель толерантности (шкала “Толерантность”, CPI) был положительно взаимосвязан с показателями “Доброжелательность окружающего мира” ($r = .36, p \leq .01$), “Справедливость” ($r = .405, p \leq .01$), “Образ Я” ($r = .32, p \leq .01$), “Удача” ($r = .46, p \leq .01$). Отрицательно – с показателями реактивной и личностной тревожности ($r = -.34, p \leq .01$; $r = -.36, p \leq .01$ соответственно).

Таким образом, результаты корреляционного анализа указывают на многомерность феномена толерантности к неопределенности и сложность измерения данного психического качества.

В ходе анализа соотношения когнитивно-стилевых и личностных характеристик толерантности к неопределенности было установлено, что пока-

затель полезависимости был положительно взаимосвязан с личностной тревожностью ($r = .265, p \leq .05$) и отрицательно – с показателем “Удача” ($r = -.262, p \leq .05$). Величина интерференции и готовность к риску коррелировали отрицательно ($r = -.273, p \leq .05$).

Таким образом, когнитивно-стилевые и личностные характеристики толерантности к неопределенности взаимосвязаны, хотя и дискретно. Качественный анализ коэффициентов корреляции указывает на то, что связи между характеристиками толерантности к неопределенности являются слабыми (критерий Коэна).

В ходе дискриминантного анализа, произведенного для показателей методик толерантности к неопределенности, было установлено, что наибольшей способностью предсказывать толерантное отношение к неопределенности обладают показатели: величины интерференции ($p \leq .05$), готовности к риску ($p \leq .05$), “Доброжелательность окружающего мира” ($p \leq .05$). Это согласуется с представлениями о психологических референтах толерантной к неопределенности личности как когнитивно гибкой и непредубежденной, готовой полагаться на свой интеллектуально-личностный потенциал в условиях неопределенности и риска.

Следует указать, что в ходе корреляционного анализа не были обнаружены взаимосвязи между отдельными когнитивными стилями. Интерпретация данного факта осуществлялась в соответствии с представлениями о свойствах когнитивного стиля, в частности его квадриполярной структуре [24]. Поэтому следующий этап анализа результатов исследования производился с учетом феномена “расщепления” полюсов когнитивных стилей.

“Расщепление” полюсов когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость позволило выделить три кластера, которые интерпретировались как субгруппы “Фиксированные полenezависимые” (23%), “Мобильные полenezависимые” (65%) и “Мобильные полезависимые” (12%).

Сравнительный анализ субгрупп испытуемых, выделенных в рамках стиля полезависимость/полenezависимость, показал, что субгруппа “Фиксированные полenezависимые”, в отличие от субгруппы “Мобильные полenezависимые”, характеризуется большей диспозициональной толерантностью к неопределенности ($p \leq .05$). Субгруппа “Мобильные полезависимые” отличается от субгруппы “Мобильные полenezависимые” большими значениями готовности к риску ($p \leq .05$).

Таким образом, стилевая субгруппа, продуктивная с точки зрения интеллектуального функционирования, – “Мобильные полнезависимые” – характеризуется более низкими значениями диспозициональной толерантности и ее коррелятов.

“Расщепление” полюсов когнитивного стиля “Импульсивность/рефлексивность” позволило выделить три субгруппы испытуемых: “Медленные точные” (21%), “Быстрые точные” (67%), “Быстрые неточные” (12%).

Сравнение субгрупп “Быстрые точные” и “Быстрые неточные” (импульсивные) обнаружило значимые различия по показателю “Справедливость” ($p \leq .05$). Импульсивные субъекты демонстрируют убеждение о несправедливости окружающего мира. Сравнение субгрупп “Быстрые точные” и “Медленные точные” (рефлексивные) выявило на уровне тенденции ($p = .06$) стремление “Быстрых точных” оценивать себя как более удачливых, а рефлексивных – как менее удачливых.

Сравнение субгрупп “Медленные точные” (рефлексивные) и “Быстрые неточные” (импульсивные) выявило неоднозначную картину результатов. Так, рефлексивность положительно сопряжена с показателями толерантности к неопределенности, диагностируемыми шкалой Баднера ($p \leq .05$), и отрицательно – с имплицитной обучаемостью ($p \leq .01$).

Данные, полученные в ходе сравнения стилевых субгрупп когнитивного стиля “Импульсивность/рефлексивность”, указывают на сложность механизмов интеллектуального контроля поведения в ситуации неопределенности.

“Расщепление” полюсов когнитивного стиля “Ригидный/гибкий познавательный контроль” привело к выделению четырех субгрупп испытуемых: “Неинтегрированные” (41%), “Гибкие” (24%), “Интегрированные” (23%), “Ригидные” (12%).

“Расщепление” полюса гибкости познавательного контроля позволило дифференцировать две субгруппы – “Неинтегрированные” и “Гибкие”. Сравнение этих субгрупп выявило различия по показателям толерантности к неопределенности (шкала Д. МакЛейна) ($p \leq .05$), готовности к риску ($p \leq .05$), “Доброжелательность окружающего мира” ($p \leq .05$).

Субгруппа “Неинтегрированные”, в отличие от субгруппы “Гибкие”, характеризуется более низкими значениями диспозициональной толерантности к неопределенности, готовности к риску,

а также верой в доброжелательность окружающего мира.

Сравнение субгрупп “Гибкие” и “Интегрированные” обнаружило значимые различия по показателям толерантности к неопределенности методик С. Баднера ($p = .012$) и Д. МакЛейна ($p = .45$), готовности к риску ($p = .006$), личностной тревожности ($p \leq .05$), “Убеждение о контроле” ($p = .015$). Сравнение субгрупп “Неинтегрированные” и “Интегрированные” выявило различия по показателям личностной тревожности ($p \leq .05$) и “Убеждение о контроле” ($p = .004$).

Субгруппа “Интегрированные”, в сравнении с субгруппами “Неинтегрированные” и “Гибкие”, характеризуется более низкими значениями когнитивной гибкости ($p \leq .05$), диспозициональной толерантности к неопределенности ($p \leq .05$), готовности к риску ($p = .006$), а также высокой личностной тревожностью ($p \leq .05$) и тенденцией оценивать события собственной жизни как мало контролируемые ($p = .015$).

“Расщепление” полюса ригидности познавательного контроля позволило дифференцировать две субгруппы – “Интегрированные” и “Ригидные”. Попарное сравнение этих субгрупп обнаружило различия по показателю “Количество ошибок” ($p = .047$).

Попарное сравнение субгрупп “Гибкие” и “Ригидные”, а также “Неинтегрированные” и “Ригидные” выявило достоверные различия по показателям готовности к риску ($p \leq .05$), “Образ Я” ($p \leq .05$), “Убеждение о контроле” ($p \leq .05$). Субгруппа “Гибкие” будет являться наиболее эффективной в преодолении неопределенности, тогда как субгруппа “Ригидные” – когнитивно и лично-стно уязвимой.

Таким образом, в ходе эмпирического исследования было установлено, что проявления толерантности к неопределенности находят свое отражение в особенностях как когнитивно-стилевой, так и личностной организации субъекта. Толерантность к неопределенности является характеристикой и когнитивного стиля, и личности.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Использование техники “расщепления” полюсов когнитивных стилей при анализе соотношения когнитивно-стилевых и личностных характеристик толерантности к неопределенности позволило установить ряд фактов, которые требуют обсуждения.

При анализе когнитивного стиля *“Полезависимость/полезависимость”* было выявлено, что subgroupу *“Фиксированные полезависимые”*, которая занимает крайние позиции на полюсе полезависимости, характеризует более высокая диспозициональная толерантность к неопределенности, нежели subgroupу *“Мобильные полезависимые”*, продуктивную с точки зрения сформированности механизма произвольного интеллектуального контроля (показатель имплицитной обучаемости).

Для понимания этого факта нами были даны два объяснения: 1) высокий уровень толерантности к неопределенности как черты в subgroupе *“Фиксированные полезависимые”* обусловлен высокой аналитической способностью (показатель скорости обнаружения простой фигуры в сложной); 2) высокий уровень толерантности к неопределенности в subgroupе *“Фиксированные полезависимые”* может рассматриваться как проявление интолерантности к неопределенности.

По данным Ч. Нозала, полезависимость обусловлена малым объемом и темпом одновременно обрабатываемой информации, а также инертностью внимания [24]. Можно допустить, что высокая аналитичность, отличающая subgroupу *“Фиксированные полезависимые”*, способствует уменьшению эффектов эмоционального напряжения на обработку информации и обуславливает принятие и преодоление неопределенности стимулов.

При анализе процедурных аспектов тестирования нами было отмечено: студенты, проявляющие беспокойство и неуверенность в собственных возможностях, чаще обращались к *“фигуре-эталону”*, что не противоречит представлениям о роли стабильности–беспокойства в регулировании объема временного хранилища, необходимого для решения когнитивной задачи [42]. Таким образом, первое объяснение полученного результата апеллирует к идее *“нагрузки”* в переработке информации.

Второе объяснение определяется тем фактом, что subgroupа *“Фиксированные полезависимые”* занимает крайние позиции в данном стилевом континууме. Известно, что эффект крайних значений когнитивного стиля сопряжен со снижением показателей психической адаптации. В этом случае выраженность показателя толерантности к неопределенности в subgroupе *“Фиксированные полезависимые”* может рассматриваться как проявление интолерантности к неопределенности.

Можно предположить, что стремление абстрагироваться, отвлечься от поля, которое присуще *“Фиксированным полезависимым”*, – это один из аспектов защитного поведения, проявление ментальной установки, т.е. закрытости опыта.

В исследовании А.А. Алексапольского установлено, что *“Фиксированные полезависимые”*, в сравнении с *“Мобильными полезависимыми”*, предпочитают использовать психологическую защиту *“вытеснение”*. В свою очередь, испытуемые с высокими показателями имплицитной обучаемости реже прибегают к вытеснению [1].

Итак, сопряженность полезависимости с толерантностью к неопределенности указывает на продуктивную составляющую аналитического компонента стиля в преодолении неопределенности стимулов. Между тем, рассмотрение этих же результатов с позиций феномена *“расщепления”* полюсов когнитивного стиля (показатель имплицитной обучаемости) позволяет допустить и второе объяснение. А именно: полагать, что высокая диспозициональная толерантность к неопределенности в subgroupе *“Фиксированные полезависимые”* является свидетельством действия механизма психологической защиты, отвечающего потребности в предсказуемости.

В ходе исследования было установлено, что subgroupу *“Мобильные полезависимые”* отличаются более высокие показатели готовности к риску, нежели subgroupу *“Мобильные полезависимые”*.

В исследовании Т.В. Корниловой с соавторами было показано, что в склонности к риску выражается стремление полезависимых как можно скорее выйти из ситуации неопределенности, которая переживается ими как тягостная, поскольку требует усилий по принятию решения [11].

Другую позицию позволяет высказать исследование М. Гримлей и Дж. Баннер (2008). Они полагают, что аналитичные (полезависимые) субъекты в большей степени сосредоточены на порядке и контроле, чаще выделяют негативные аспекты ситуации. В свою очередь, синтетичные (полезависимые) индивидуумы характеризуются стремлением воспринимать все аспекты ситуации в балансе [35]. По-видимому, синтетический компонент стиля определяет большую готовность к действиям и решениям при неполноте ориентиров.

При анализе когнитивного стиля *“Импульсивность/рефлексивность”* был получен не вполне ожидаемый результат. Установлено, что subgroupа *“Импульсивные”*, в отличие от subgroupы *“Реф-*

лективные”, характеризуется большей имплицитной обучаемостью. Этот факт мало согласуется со смыслом стилевых показателей, поскольку в субгруппе “Импульсивные” отмечается наибольшая выраженность показателя количества ошибок.

Смысл показателя имплицитной обучаемости определяется способностью обучаться в процессе решения задач, обнаруживать закономерности [14]. В данном случае – определять правила выбора. Таким образом, прогнозируемой должна явиться выраженность показателя имплицитной обучаемости в субгруппе “Рефлективные”. Возникает вопрос: чем обусловлен полученный результат?

Согласно данным исследователей, интеллектуальное поведение импульсивных характеризуется минимальным временем поиска решения и максимальным количеством ошибок, что обусловлено фрагментарностью и несистематичностью анализа имеющихся признаков [24]. Импульсивные испытуемые реагируют на очевидное несоответствие, пренебрегая рассмотрением деталей, что указывает на их “чувствительность” к диссонансу. Следствием этого является стремление как можно быстрее выйти из ситуации неопределенности, реагирование когнитивным закрытием, что и приводит к ошибочным решениям.

По сути показатель имплицитной обучаемости характеризует скорость выработки навыка обучения, временной прирост в “гибкости замыкания” или скорости закрытия гештальта. Вероятно, что выраженность показателя имплицитной обучаемости в субгруппе “Импульсивные” обусловлена гиперкомпенсацией, т.е. стремлением предотвратить неуверенность, связанную с ситуацией неопределенности выбора.

Скорость выработки навыка обучения является, на наш взгляд, инструментом преодоления тревоги, которая вызвана неопределенностью ситуации выбора. По-видимому, импульсивные испытуемые более быстро реагируют на новое в ситуации, но склонность к импульсивному закрытию, в противовес тщательному сбору и анализу информации, ограничивает возможность интеллектуального контроля в ситуации многоальтернативности выбора.

При анализе когнитивного стиля “*Ригидный/гибкий познавательный контроль*” получены результаты, которые также требуют специального обсуждения.

Попарное сравнение субгрупп “Неинтегрированные” и “Гибкие”, “Неинтегрированные” и “Интегрированные” показало, что субгруппа “Не-

интегрированные” отличается более положительными базисными убеждениями.

Исследователи отмечают: иллюзорное представление о том, что мир доброжелателен и наполнен смыслом, может дать ощущение неуязвимости и стабильности внутреннего мира перед лицом неуверенности. В ситуациях, воспринятых как угроза, система базисных убеждений выполняет функцию защиты в виде тенденции оценивать выше вероятность счастливого исхода, а также дает субъективное ощущение возможности управления событиями собственной жизни [28, 40].

Таким образом, согласно результатам эмпирического исследования, субгруппа “Неинтегрированные” является более адаптивной и толерантной к неопределенности и неуверенности. Мы полагаем, что выраженность иллюзорных схем оценки впечатлений в данной стилевой субгруппе может рассматриваться как проявление интолерантности к неопределенности, обусловленное ригидностью.

Хотя феномен ригидности обычно описывается в терминах инертности, тугоподвижности, что мало сопоставимо с высокими скоростными показателями, наблюдаемыми в субгруппе “Неинтегрированные”, следует учитывать и другие аспекты ригидности. По мнению Х. Вернера, в основе явления ригидности лежит механизм изоляции, описываемый как раздробленность различных подобластей опыта. Э. Френкель-Брунвик, опираясь на его работу, подчеркивала, что *дезинтеграция* и хаос, равно как конкретность, буквальность восприятия действительности, по сути разные стороны одного и того же явления, в основе которого лежит сочетание экстремальности и примитивности когнитивных реакций на неопределенность [31].

Согласно данным исследователей, лица, интолерантные к неопределенности, проявляют склонность “держаться” за защитные иллюзии. Это находит свое выражение в реакциях сопротивления принятию нового эмоционального опыта и затруднениях при адаптации к новым условиям и схемам. Процессы совладания у таких людей направлены на защиту от информации, угрожающей их базисным убеждениям путем переосмысления новых событий и впечатлений в рамках сложившихся схем [28].

По-видимому, “Неинтегрированные” используют свой ментальный ресурс как средство достижения ощущения безопасности, что подтверждается анализом показателей базисных убеждений

в данной стилевой субгруппе и соотносится с общей тенденцией интолерантности к неопределенности. Ригидность, ее обуславливающая, будет качественно иной природы, нежели та, которая отмечается в субгруппе “Ригидные”. В данном случае ригидность проявляется в дезинтеграции различных подобластей когнитивного опыта и выражается, скорее, как общая ментальная установка – закрытость опыта. Ригидность во втором случае (субгруппа “Ригидные”) соотносится с традиционными представлениями о данном явлении и заключается в ослаблении когнитивного контроля над аффективными реакциями при восприятии неопределенных стимулов и ситуаций.

Сравнение субгрупп “Интегрированные” и “Неинтегрированные”, а также “Интегрированные” и “Гибкие” показало, что субгруппа “Интегрированные”, продуктивная с точки зрения сформированности механизма произвольного интеллектуального контроля (показатель меры интеграции двух форм познавательного опыта), отличается низкими значениями характеристик толерантности к неопределенности.

Одним из возможных объяснений данного факта является комплиментарность стиля, которая обуславливает снижение когнитивного исполнения. По данным М. Гримлей с соавторами, особенности когнитивного стиля могут приводить к усилению познавательной неуверенности за счет сокращения объема доступной рабочей памяти. Исследователи полагают, что в случае комплиментарных когнитивных стилей происходит увеличение нагрузки на рабочую память в связи с необходимостью переключаться с одного типа переработки на другой. В свою очередь, уменьшение объема рабочей памяти ведет к усилению познавательной неуверенности и беспокойству [35]. Таким образом, при условии снижения когнитивной гибкости комплиментарные когнитивные стили могут выступать источником дестабилизации интеллектуальной деятельности и порождать интолерантные ответы на неопределенность.

Итак, анализ соотношения когнитивно-стилевых и личностных характеристик толерантности к неопределенности, осуществленный с учетом феномена “расщепления” полюсов когнитивных стилей, позволяет заключить, что такие характеристики когнитивного управления, как уровень селективного внимания, скорость переработки информации, являются решающими для преодоления неопределенности стимулов и ситуаций.

Качественные проявления работы интеллекта, отражающие особенности ментального устройства и выражающиеся в действии механизма произвольного интеллектуального контроля, не столь очевидны в данном процессе. Так, дискретные проявления действия механизма произвольного интеллектуального контроля обнаружены при сравнении испытуемых, имеющих низкие значения когнитивной гибкости (ригидность познавательного контроля). Можно допустить, что активизация механизма произвольного интеллектуального контроля зависит от общего состояния когнитивных функций. В этом смысле механизм произвольного интеллектуального контроля выступает ресурсной составляющей интеллектуально-личностного потенциала субъекта в ситуации неопределенности при условии нарастания инерционных компонентов в интеллектуальной деятельности, обусловленных общим снижением мощности и скорости когнитивного управления.

Таким образом, механизм произвольного интеллектуального контроля выступает в качестве одного из признаков толерантности к неопределенности, который обнаружен при анализе соотношения когнитивно-стилевых и личностных характеристик феномена. Такие его проявления, как отторгивание нерелевантных аффективных побуждений, интегрированность когнитивного опыта, выступают субъективными индикаторами “культуры” использования своего интеллекта для преодоления неопределенности стимулов и ситуаций.

ВЫВОДЫ

1. Толерантность к неопределенности – сложный феномен, проявления которого обнаруживаются в характеристиках когнитивно-стилевой и личностной организации субъекта. Их соотношение определяет своеобразие толерантного/интолерантного отношения к неопределенности.
2. Индивидуумы, наиболее эффективные с точки зрения процессов структурирования и поиска информации, проявляют большую толерантность к неопределенности.
3. Действие механизма произвольного интеллектуального контроля (развитие контролирующей сдерживающей реакции, вариативность репрезентативных возможностей интеллекта) выступает ресурсной составляющей интеллектуально-личностного потенциала субъекта в ситуации неопределенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александровский А.А.* Стилевые и уровневые свойства интеллекта как факторы совладающего поведения: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008.
2. *Алишев Б.С.* Психика и преодоление неопределенности // Психология. Журнал ВШЭ. 2009. Т. 6. № 3. С. 3–26.
3. *Белинская Е.П.* Идентичность личности в условиях социальных изменений: Дисс. ... доктора психол. наук. М., 2006.
4. *Бутенко Т.П.* Субъективная неопределенность жизненных ситуаций: когнитивно-эмоциональные оценки и стратегии поведения: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009.
5. *Дорфман Л.Я.* Исторические и философские корни научного метода в эмпирической психологии. Екатеринбург: УГПУ, 2002.
6. *Дорфман Л.Я.* Методологические основы эмпирической психологии. М.: Смысл; Академия, 2005.
7. *Зинченко В.П.* Толерантность к неопределенности: новшество или психологическая традиция // Вопр. психологии. 2007. № 6. С. 3–20.
8. *Канеман Д., Словик П., Тверски А.* Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. Х.: Изд-во Институт прикладной психологии "Гуманитарный центр", 2005.
9. *Корнилова Т.В., Новотоцкая-Власова Е.В.* Уровни нравственного самосознания, эмоциональная модель и принятие неопределенности // Вопр. психологии. 2009. № 6. С. 61–71.
10. *Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решения. М.: Аспект Пресс, 2003.
11. *Корнилова Т.В., Скотникова И.Г., Чудина Т.В., Шуранова О.И.* Когнитивный стиль и факторы принятия решения в ситуации неопределенности // Когнитивные стили / Под ред. В. Колги. Таллинн, 1986. С. 99–103.
12. *Корнилова Т.В.* Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 3(11). URL: <http://psystudy.ru>
13. *Корнилова Т.В.* Толерантность к неопределенности и интеллект // Вопр. психологии. 2010. № 5. С. 3–13.
14. *Кострикина И.С.* ИмPLICITная обучаемость как условие реальных достижений в различных видах профессиональной деятельности // Психол. журнал. 2008. Т. 29. № 4. С. 66–75.
15. *Леонтьев Д.А.* К операционализации понятия "толерантность" // Вопр. психологии. 2009. Т. 30. № 5. С. 3–16.
16. *Луковицкая Е.Г.* Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 1998.
17. *Мандрикова Е.Ю.* Виды личностного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005.
18. *Осин Е.Н.* Методика диагностики толерантности к неопределенности // Психол. Диагностика. 2010. № 4.
19. *Осин Е.Н.* Смыслоутрата как переживание отчуждения: структура и диагностика: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2007.
20. *Падун М.А., Котельникова А.В.* Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психол. журнал. 2008. Т. 29. № 4. С. 98–106.
21. Психодиагностика толерантности личности / Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М.: Смысл, 2008.
22. Руководство к Калифорнийскому психологическому опроснику (CPI) / Науч. ред. Н.А. Батулин. Челябинск – Санкт-Петербург: Психрон, 1995.
23. *Скотникова И.Г.* Когнитивные стили и стратегии решения познавательных задач // Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А.В. Либина. М.: Смысл, 1998. С. 64–78.
24. *Холодная М.А.* Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. М.: Per Se, 2002.
25. *Шалаев Н.В.* Толерантность к неопределенности в психологических теориях // Человек в ситуации неопределенности / Под ред. А.К. Болотовой. М.: ТЕИС, 2007. С. 34–48.
26. *Юртаева М.Н.* Когнитивно-стилевые и личностные характеристики толерантности к неопределенности: Дисс. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2011.
27. *Banning K.* The Effect of the Case Method on Tolerance for Ambiguity // Journal of Management Education. 2003. V. 27. № 5. P. 556–567.
28. *Berzonsky M.* Identity processing style, self-construction, and personal epistemic assumptions: A social-cognitive perspective // European Journal of Developmental Psychology. 2004. V. 1. № 4. P. 303–315.
29. *Budner S.* Intolerance for ambiguity as a personal variable // Journal of Personality. 1962. V. 30. P. 29–50.
30. *Cornelis I., Van Hiel A.* The Impact of Cognitive Styles on Authoritarianism Based Conservatism and Racism // Basic and applied social psychology. 2006. V. 28. № 1. P. 37–50.
31. *Frenkel-Brunswick E.* Intolerance of ambiguity as an emotional perceptual personality variable // Journal of Personality. 1949. V. 18. P. 108–143.
32. *Friedland N., Keinan G., Tytunthe T.* Effect of psychological stress and tolerance of ambiguity on stereotypic attributions // Anxiety, Stress, and Coping. 1999. V. 12. № 4. P. 397–410.

33. *Furnham A., Ribchester T.* Tolerance of ambiguity: a review of the concept, its measurement and applications // *Current Psychology*. 1995. V. 14. № 3. P. 179–190.
34. *Gasser M.B., Tan R.N.* Cultural Tolerance: Measurement and Latent Structure of Attitudes toward the Cultural Practices of Others // *Educational and Psychological Measurement*. 1999. V. 59. № 1. P. 111–126.
35. *Grimley M., Dahraei H., and Riding R.* The relationship between anxiety-stability, working memory and cognitive style // *Educational Studies*. 2008. V. 34. № 3. P. 213–223.
36. *Helson R., Srivastava S.* Creative and Wise People: Similarities, Differences, and How They Develop // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. V. 28. № 10. P. 1430–1440.
37. *McLain D.L.* The MSTAT-I: A new measure of an individual's tolerance for ambiguity // *Educational and Psychological Measurement*. 1993. V. 53. № 1. P. 183–189.
38. *Maddi S.* Building an integrated positive psychology // *The Journal of Positive Psychology*. 2006. V. 1. № 4. P. 226–229.
39. *Narayanswamy R.* Why is Spirituality Integral to Management Education? My Experience of Integrating Management and Spirituality // *Journal of Human Values*. 2008. V. 14. № 2. P. 115–128.
40. *Pacini R., Epstein S.* The relation of rational and experiential information processing styles to personality, basic beliefs, and the ratio-bias phenomenon // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. V. 76. № 6. P. 972–987.
41. *Roccas S., Brewer M.B.* Social Identity Complexity // *Personality and Social Psychology Review*. 2002. V. 6. № 2. P. 88–106.
42. *Ruiz-Caballero J., Bermudez J.* Anxiety and attention: Is there an attentional bias for positive emotional stimuli? // *Journal of General Psychology*. 1997. V. 124. № 2. P. 194–210.
43. *Shearman S., Levine T.* Dogmatism Updated: A Scale Revision and Validation // *Communication Quarterly*. 2006. V. 54. № 3. P. 275–291.
44. *Stoycheva K.* Talent, science and education: How do we cope with uncertainty and ambiguities? // *Science Education: Talent Recruitment and Public* / Eds. P. Csermely, L. Lederman. *Understanding—Amsterdam: IOS Press*, 2003. V. 38. P. 31–43.
45. *Strauss J., Connerley M., Ammermann P.* The “Threat Hypothesis”, Personality, and Attitudes Toward Diversity // *The Journal of Applied Behavioral Science*. 2003. V. 39. № 1. P. 32–52.
46. *Walinga J.* Toward a Theory of Change Readiness: The Roles of Appraisal, Focus, and Perceived Control // *Journal of Applied Behavioral Science*. 2008. V. 44. № 3. P. 315–347.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF HUMAN'S TOLERANCE TO UNCERTAINTY

M. N. Yurtaeva*, N. S. Glukhanyuk**

**PhD, Ural Federal University named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg;*

***PhD, professor, the same place*

The results of the study of psychological characteristics of tolerance to uncertainty are discussed in the article. The authors have used an analytical and integrative approach that is usually applied to empirical psychology to identify signs of mental phenomena. Cognitive styles and personal characteristics of tolerance to uncertainty have been set. It was found that tolerance to uncertainty is associated with the processes of information processing, where the mechanism of involuntary predictive control is a mental resource for uncertainty overcoming.

Key words: tolerance to uncertainty, analytical integrative approach, phenomenon of “splitting” of the poles of cognitive styles, involuntary intellectual control.